

К пятидесятилетию Московского Художественного Академического театра им. Горького

„БРОНЕПОЕЗД 14-69“

Весна 1927 года... Б десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции МХАТ решил поставить пьесу на современную тему. Решение МХАТ для нас, молодых советских писателей, ничего тогда особого из себя не имело. Если даже пьеса к 10-летию Октября, значит, пьеса не только современная (мало ли тогда были «современных» пьес), но и пьеса в первую очередь советская. МХАТ предложил мне написать пьесу на мой повести «Бронепоезд 14-69».

Уже быть зрителем МХАТ приятно, а как же бы большое счастье почувствовать себя его драматургом!

И писал охотно. Через месяц, но больше, я уже читал пьесу мхатовцам. Понемногу дией пьесы а беседовал о будущей постановке со Станиславским. Я сидел у окна. От вышних мыслей разбегались. Мягко промчалась по переулку практика, проходила по булыжнику лозовик, чеканя на автоколебах на высоких колесах с медными дверными ручками. «Эх, хоиню бы убежать отсюда! — думал я. — Ну, что и как я буду разыскивать мхатовца?». Вдруг Станиславский спросил:

— А как, по-вашему, одет капитан Нелзеван, командир бронепоезда?

Я сказал, что, по-моему, Нелзеван должен быть в расшитой серой черной куртке с черным и косяком, вышитыми белым на рукаве. В таких эскизических мундирах в гражданскую войну красовались атамановцы. Нелзеван по фразеологии — интеллигент, но по туалету и одежде — атаманец, вернейший приверженец интригантов.

— А вы не находите, что лучше... без эскизика. Русские вообще народ не эскизичный. Нелзеван — обычный армеец, по крайней мере в усложнен к американцам и японцам. Не думаю, чтобы он наслаждался своим чувством раба. Но с другой стороны, он невинный большевик. Нелзеван хочет сделать из России американский курятник. Он глуп, но дальновиден. Чего? И мы оденем его по-обычному, в хаки, без эскизика. Не правда ли? И вообще все и эскизика — рубашка, одежда, квартира, железнодорожная станция, дело — должно быть просто, обыкновенно, по-русски. По эту обыкновенную русскую речь и обстановку мы должны полнить до яркого смысла.

Сказано это было с чувством, пылко, красиво. Смущение мое прошло, и я разговорился.

Думая над «сценой на насели», где катан ложится на насели, чтобы остановить белогвардейский бронепоезд, мчавшийся на соединенье с японцами, Станиславский сказал:

— Витязь лет на рубель. Мы тешим огня на сцене. Грохот бронепоезда все нарастает и нарастает. Бронепоезд словно несется прямо на зрителя. Зритель должен содрогнуться от ужаса, помнить, что будет долго жить белогвардейщина, что интриганты еще не умерли. И затем — тишина, свет. Мы видим — насыль, пятая кровь на шталах и рельсах, ближе — дерва, и поет птичка.

Подумав, проговорил:

— Нет. Это — за тав. Света нет, нет древа, нет птички. Борьба за бронепоезд еще не кончена, и рано нам наладиться пением птички. Пусть занавес упадет в грохоте мрачно мчащегося бронепоезда. Пусть даже зритель останется с чувством тоски. Сиегдальце окончен. Победа приближается.

В первой сцене выведена группа беженцев. Мне казалось, что, по закону драматургии, я должен провести этих беженцев через весь спектакль. Во всей пьесе это на додумалось, и я вывел их в последней сцене, в дело. Прочта эту сцену, Станиславский сказал:

— Это... это очень хорошо! И обрадовался. Но радость моя была непродолжительной. Станиславский сказал:

— Это очень хорошо, если вы бросите беженцев. Оставам рабочих дело. И сцену, когда приносит убитого Пеклеванова. Беженцев — во!

На моем лице, повидному, отразилось отчаяние, Станиславский сказал:

— Нет законов драматургии, когда есть жизнь. Смерть начальника революционного штаба Пеклеванова, — вот что здесь самое важное. Умер большой человек, представитель коммунистической партии, которая привела рабочих к Октябрю. Здесь, в дело, у нас сейчас тема рабочих. Надо показать, что, несмотря на смерть Пеклеванова, рабочие не растеряны. Есть вера, что партия цела, что революция непобедима.

Началась работа над пьесой «за столом», ринетина и фойе.

Фойе. Дель За огнем дымные длинные туши. Приближается осень. Станиславский, высокий, медленно улыбающийся, причурясь, смотрит, как Баталов, великолепно итравный Василь Окорова, «секретаря партизанского штаба», не зная, чем убедить американского солдата, что русские рабочие и крестьяне вообще советская власть ведут справедливую войну, выбывая из Сибири американцев и японцев, не находил слов, потому что американский солдат не понимает по-русски, раздельно и внутреннею говорит ему одно слово:

— Тен п.

Станиславский останавливает его, подымает и говорит:

— Вы говорите, мне думается, не так это слово. Оно выражает сильное, именитого человека. Тогда как для нас это — зов, клич.

Всеволд ИВАНОВ

И для всей России — зов в будущее, клич ко всему миру о необходимой перестройке мира. Вот вы, в этой же сцене, мелком бросаете матросу Яновому, приехавшему с поручением от Пеклеванова: «С войны не выдаться!» Значит, вы были на гиперреалистической войне!

— Конечно, был, — отвечает Баталов.

— А раз вы были, то для вас — Ленин есть освобождение от войны, земля, свобода, уничтожение буржуазии. Вся земля русская отныне принадлежит вам. Ее нам вручил Ленин. На земле — безжалостная, безжалостная война, душно, душаша, — и мы вокаждем свободу, с восторгом и восхищением. Вы видите не только этот зал, но и весь мир за этим словом. — Нежно взглянув на Баталова и плавающим жестом поглаживая себе ухо, он провознес почтительно и значительно: — Ленин.

И, помолчав, добавил:

— Ленин — слово, которое гигантским горным хребтом встало над миром. При звуке этого слова другая революция чувствует дрожь восторга, а враги — холод страха...

И, опять помолчав, он говорит: — Мне вспоминается поэма Тихонова — «Сам». Об индусском мальчике, который великомерно знает значение имени — Ленин.

Признается, я и подивился. Станиславский — и поэма Тихонова. Подивился и порадовался за нашу советскую литературу и за мхатовцев, по-ем!

Между тем Станиславский спрашивает у Баталова:

— Вы в какой рубашке ягаете?

— Хаки, — ответил Баталов.

Станиславский сказал, делая плавающий жест рукой:

— Вы, Баталов, самый шиклый из всех персонажей пьесы. Вы! Вы комитесь среди партизан, как зная. И рубашка... Рубашка на вас должна быть алая. Да, алая. И, чтобы быть ближе к жизни, чуть выцветшая от солнца. Не подлая, алая. Длинная. Свободная. Вот имени. Как зная!

И Баталов в дальнейшем «сцену на колокольне» проводил с силой потрясающей. Когда он, устремив свои огромные, лучи

стые глаза поверх американского солдата, глядел в радужную даль: когда лицо его приобретало торжественное и вместе с тем ласковое выражение; когда он восхищенно и вдохновенно произносил: «ЛЕНИН!»; — весь зрительный зал долго дрожал от душевного и восторженных криков.

Эта народная сцена и была тем главным мотивом пьесы, поняв который, мхатовцы быстро разобрались и в остальном. Таки образом и была найдена вым художественная правда, с помощью которой они и могли искренно и крайне талантливо рассказать о причинах разгрома советским народом и интригантов и белогвардейцев. Дело прошлое, и я могу спокойно сказать, что успех «Бронепоезда» зависел не столько от автора, сколько от театра, от жаженого правильного подхода мхатовцев к своему творчеству.

Никому, конечно, и в голову не придет оспаривать гигантский талант Баталова. И я всегда вместе с другими восхищался им. Но нецелком я познал этот талант, эту мхатовскую волю, лишь когда увидел его в работе.

Баталов играл роль Вершинина, предводителя сибирских партизан, крестьянина.

В роли работя над этой ролью Баталов, и без того часто выступавший перед бойцами и командирами Советской Армии, выступал особенно часто. Среп командного и рядового состава армян в те дни гражданской войны борющихся с интригантами и белогвардейцами. Там, среди бойцов и офицеров нашей армии, черпал Баталов вдохновение, по-ем!

Партизан Вершинин казался мне человеком лет тридцати пяти. Баталов хотел сделать его старше.

— Особнятинская война, как и каждый по-ем война, характеризуются тем, что всякий из нас чувствует себя талантливым, нужным, — говорил он своим перекрестным голосом, повернув к Пеклеванову (Хмельзу) свое умное лицо и ясные глаза. — В такой войне и пожелай не уступить японцу в нравственности и смелости. Василька, мой «секретарь», пошл юн. Вершинин должен контрастировать с ним. Нет, пусть я буду старее, поинтежнее. Пусть все почувствует, что на война встал весь Россия.

Баталов хотел сделать Вершинина

более обаятельным и внешне, хотя в то же время простым:

— Пусть народ любит меня не только за храбрость и ум, но и внешне я должен ему нравиться. Нет, скажут, какой простой и приятный человек. И не удивительно, что он благороден, честен и прав. — И, повернувшись в сторону Хмельза (Пеклеванова), он добавил: — Ведь и Пеклеванов недаром сразу стал со мной откровенным. Сиднну во мне увидал, никто, простому.

Глава подпольного ревкома Пеклеванов и предводитель партизан Вершинин видятся в пьесе только один раз. Тем зрче, тем сильнее должно запечатлеться в сердцах зрителей эта единственная встреча людей, которые сразу же поняли друг друга и сразу стали друзьями. Их дружба предопределена борьбой народа за свою свободу и их честностью, их искренним отношением к запросам жизни. В перерывах, на репетициях я часто встречал их беседующих рядом.

Хмельзу говорил властно, смело. Мне казалось, что он необыкновенно быстро вошел в роль Пеклеванова, сжилась с ней. Но, признавшись, я и здесь увидал упорную и долговую работу над собой. Пеклеванов — интеллигент, большевик-подпольщик. По привычке он, быть может, принадлежал к той части русской интеллигенции, которая редко ставилась в людях типа Вершинина. И, однако, как быстро они поняли друг друга. И как быстро, главное, понял Вершинин правду, которую несет ему Пеклеванов, правду большевистской партии, правду Ленина — Сталина.

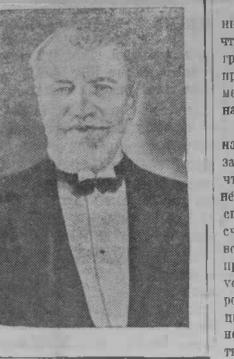
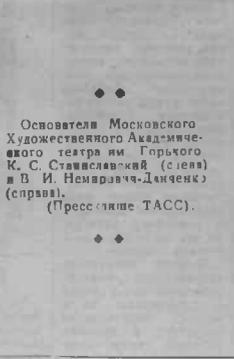
Впервые спектакль «Бронепоезд» мхатовцы показывали столичной общественности не на сцене, а в фойе. Декорации не только еще не совсем были готовы, а всем нам хотелось знать мнение зрителей. И, признавшись, мне эта затея не нравилась. Ну, что это такое? Без света, без грима, без костюмов!

Собрались человек сто — полтора зрители. И волновался, конечно, ухасно. Единственным утешением было то, что и Станиславский волновался не меньше. Он то и дело вскакивал с кресла, взглядывался в лица зрители и, когда началась первая сцена, сильно побеждал.

«Эх, зра это он згезали, — думал я, услышав звонок, возвещающий о начале спектакля. — Ничего они, как и я, не знают».

Но сразу же, после первой сцены, я почувствовал, что все то, что смущало меня, — декорации, грим, костюмы, — ну, скажи правду жизни, если театр не по-ем и почувствует и передаст настояющему.

Мхатовцы поняли и показали народ в «Бронепоезде», бьющийся за свое счастье. Они показали, что в этой борьбе народу было нелегко. И между тем персонажи спектакля — советские люди были счастливые люди. И при виде их всем зрителем жизнь казалась, прекрасной и огромной. Это был успех МХАТ, успех театра, который Великая Октябрьская социалистическая революция дала невиданные силы для новых творческих побед.

Основатели Московского Художественного Академического театра им. Горького К. С. Станиславский (слева) и В. И. Немайач-Данчик (справа). (Пресс-фото ТАСС).